

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 1(091)

ЦЕНА ПАРРЕСИИ: ИСТОРИЯ ГИПАТИИ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ И ФИЛЬМ А. АМЕНАБАРА «АГОРА»

© М. А. Корешкая

Корешкая
Марина Александровна

кандидат философских наук,
доцент

заведующая
кафедрой философии
Самарская
гуманитарная академия

Задача данной статьи состоит в поиске и экспликации точек расхождения кинематографического нарратива в фильме А. Аменабара «Агора» и исторических сведений о Гипатии Александрийской, что позволяет рассмотреть на примере Гипатии вопрос о том, сколь высока может быть цена парресии («вольной речи»), имея в виду, что проблема права на публичное высказывание истины имеет своей подоплекой вопрос об отношениях интеллектуалов и власти.

Ключевые слова: парресия, публичное пространство, платонизм, автаркия, эпимелейя.

Фильм Алехандро Аменабара «Агора», закономерно вызвавший далеко не однозначную реакцию¹, получился откровенно атеистическим и отчасти феминистским. На фоне бесконечных взаимных погромов язычников, иудеев и христиан, губящих блестящую античную культуру, мы видим поглощенную космологическими вопросами прекрасную и мудрую Гипатию, которая до конца сохраняет завидную невозмутимость и ценой своей жизни отстаивает право не только искать истину, но и публично ее высказывать. То есть фактически она реализует принцип парресии (ἡπαρρησία), тот самый, о котором

¹ Картина, вышедшая в 2009 году, получила в общей сложности 7 премий «Гойя». В Испании, несмотря на кризис, фильм собрал довольно впечатляющую кассу, в то время как в Италии он попал под запрет в качестве антихристианского

столь много в последние годы своей жизни говорил М. Фуко². Как показывает Фуко, парресия — понятие неоднозначное, но в позитивном смысле оно означало определенную практику веридикции («высказывания истины»), без которой в античности было невозможно нормальное функционирование режима публичности. Парресия — это правдивая речь по существу, имеющая отношение к делам, касающимся каждого гражданина. В этой речи эпистемологическое измерение неотделимо от этического: она ответственна и требует от говорящего мужества и готовности пойти на серьезный риск, поскольку высказываемая истина может быть нелицеприятной, а цена откровенности — чрезвычайно высокой³. Отчетливофеминистский привкус у кинематографической истории Гипатии связан со странным парадоксом, который предъясняет зрителю Аменабар: пока мужчины самыми сомнительными способами делят власть, единственным парресиастом, способным к «мужеству истины», оказывается женщина, сохранившая верность себе, своим (каким-то уж очень прогрессивно-гуманистическим) принципам. Учитывая, что Гипатия при этом представляет собой некую фигуру светской мудрости, противостоящей разрушительному религиозному фанатизму, меседж фильма совершенно прозрачен, провокативен и современен. Поэтому, несмотря на желание режиссера старательно воссоздать как можно больше аутентичных деталей, перед нами, разумеется, некая притча, подающая современные проблемы в античной упаковке. Конечно, бессмысленно требовать от кинематографа, чтобы он был исторически достоверен: прежде всего, его задача совсем не в этом, и если уж он обращается к историческому материалу, то скорее для того, чтобы убедительно синтезировать современные мифологии в ответ на актуальный запрос. С другой стороны, историческая наука как таковая сама по необходимости создает более-менее убедительные реконструкции, которые лишь более-менее независимы от текущей конъюнктуры. И именно точки расхождения исторического и кинематографического нарративов могут представлять особый интерес, поскольку они оказываются своеобразным концентратом симптомов, позволяющих понять нечто и о прошлом и о настоящем в их различии. Заметим, что история Гипатии особенно располагает к научному и не только научному мифотворчеству, поскольку эта ученая

² *Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1881-1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2007. 677 с.; *Фуко М.* Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-83 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб. : Наука, 2011. 432 с.; *Фуко М.* Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-84 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб. : Наука, 2014. 357 с.

³ Как показывает Фуко в своих лекциях 1983-84 г. «Мужество истины», смысл понятия «парресия» менялся: при демократии афинского типа это понятие приобрело негативный оттенок, связанный с правом каждого говорить все, что ему вздумается. Поэтому позитивно понимаемая парресия сместилась в область философского наставничества и стала характеризовать речь, обращенную философом к ученикам и слушателям, спрашивающим совета. Впрочем, политическая дислокация парресии как мужества истины тоже сохранилась, но теперь она была связана не с ситуацией народного собрания, а с рискованной откровенностью философа, обращающегося со своими нелицеприятными речами к тирану.

дама представляла собой фигуру заметную и неоднозначную, обстоятельства ее смерти были, мягко говоря, скандальными, а источники, сообщающие о ее биографии, мало того что скудны, так еще и очевидным образом тенденциозны.

В самом деле, что можно утверждать наверняка? Гипатия, родившаяся примерно в 370 году н. э., была дочерью Теона Александрийского, одного из заметных математиков своего времени, сотрудничавших с Мусейоном. Около 390 года она, преуспев в философских изысканиях, начала читать лекции, сначала, по всей видимости, публично в Мусейоне, затем, после разрушения христианами Серапеума в 391 году, у себя дома. Широко прославилась в качестве философа-платоника, стала фактической главой александрийской философской школы. Среди ее учеников и слушателей были люди разных конфессий, и многие из них были весьма влиятельны. Во время конфликта между префектом Александрии Орестом, посещавшим ее собрания, и архиепископом Кириллом толпа радикально настроенных христиан убила ее самым жестоким и позорным образом, вменяя ей в вину не то запрещенные на тот момент занятия математикой, не то дурное языческое влияние на префекта... Одним словом, здесь есть где разгуляться фантазии, так что Гипатия предстала то «самым бесстыдным александрийским учителем» (по выражению Томаса Льюиса)⁴, то мученицей язычества, то мученицей науки.

Аменабар предложил свою версию легенды, не только заполняя интерпретацией досадные лакуны в сведениях, но иногда и прямо отходя от источников во имя кинематографического замысла. К примеру, в фильме небесные тела занимают место другого объекта теоретического интереса Гипатии, а именно текстов Платона и Аристотеля. Для неоплатоника александрийской школы было в порядке вещей дополнять философские спекуляции на тему платоновой идеи Блага математическими изысканиями и астрономическими наблюдениями, которые могли иметь вполне астрологический смысл, а также на досуге совершенствовать или изобретать приборы вроде астролябий, дистилляторов и ареометров⁵. Однако уложить в современный кинообраз такой порядок приоритетов едва ли представляется возможным. Верность Платону проигрывает любви к небесным телам не только потому, что она удручающе не кинематографична, но и потому, что вопиюще не актуальна: кого нынче вдохновят рассуждения о тождественном и ином, о едином и многом? Подмена объекта гипатиевых изысканий — наглядное свидетельство того, как сильно утратила свой статус метафизическая философия сегодня. Если уж герой должен умирать за верность теоретической истине, то пусть это будет истина науки! Безусловно, в наши дни перспективы философии печальны... Однако характерно то, что во времена Гипатии они, хоть и в несколько ином смысле, были печальны тоже.

⁴ *Преображенный П. Ф.* Предисловие // Ипатия / Ч. Кингсли, Ф. Маутнер. Харьков: ИКП «Паритет» ЛТД, 1994. URL: http://az.lib.ru/k/kingsli_c/text_1853_hypatia.shtml (дата обращения: 12.10.2014).

⁵ Изобретение этих приборов или по крайней мере их радикальное усовершенствование действительно приписывается Гипатии.

Итак, на примере Гипатии рассмотрим вопрос о том, сколь высока для интеллектуала может быть цена парресии, имея в виду, что по ту сторону верности Платону мы обнаружим политику, а стало быть, проблема права на публичное высказывание истины имеет своей подоплекой старый недобрый вопрос об отношениях интеллектуалов и власти.

Экспозиция и контекст

Прежде, чем углубиться в детали, перечислим скудные источники, на которые при отсутствии текстов самой Гипатии⁶ приходится опираться всем интерпретаторам. Так, ключевым автором считается историк церкви Сократ Схоластик (ок. 379-450 гг.)⁷, который был хорошо информирован о византийских политических и церковных делах, являлся современником интересующих нас событий и, как считается, основывался на свидетельствах непосредственных очевидцев. Получив языческое образование в Александрии и подвизаясь затем в Константинополе, он совершенно ожидаемым образом выражает недовольство политикой александрийских церковных иерархов⁸, сообщая о них весьма неудобные факты. Но, будучи автором все-таки церковным, Сократ достаточно осторожен в выражениях и часто оставляет недомолвки и намеки вместо того, чтобы делать громкие заявления. Для Сократа смерть Гипатии — это, прежде всего, аргумент против александрийской модели церковной организации, которую он уличает в склонности к злоупотреблениям. Другим ценным источником служат письма Синезия Киренского, епископа Птолемаиды, которые либо прямо адресованы Гипатии, либо упоминают о ней⁹. Синезий

⁶ Ни один из трактатов, написанных самой Гипатией, не сохранился до наших дней. Известны лишь названия нескольких из них, имеющих отношение к ее математическим штудиям. Бытует мнение, не слишком обоснованное и скорее являющееся частью легенды о Гипатии, что ее тексты оказались утраченными не случайно, а вследствие злонамеренной цензуры.

⁷ См.: *Сократ Схоластик*. Церковная история. М.: Росспэн, 1996. Непосредственно о Гипатии говорится в 15 главе VII книги, но несколько предшествующих глав задают контекст, поскольку они сообщают о деятельности Феофила и Кирилла Александрийских и о конфликте Кирилла с префектом Орестом.

⁸ Между Александрийской и Константинопольской церковью существовал затяжной конфликт, который выражался то в явной, то в скрытой полемике, присутствовавшей в текстах того времени. По сути имело место не только соперничество за доминирующие позиции в Восточном христианстве, но и конкуренция двух разных моделей церковной организации, так что споры по догматическим вопросам между константинопольцами и александрийцами имели в том числе и политическую подоплеку.

⁹ Отношение к Гипатии имеют письма 10, 15, 16, 33, 81, 124 и 154. См.: *Синезий*. Письма / пер. М. Е. Грабарь-Пассек // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства. М.: Наука. 1964. С. 169–174. (в этом издании представлены письма 1, 136, 10, 16, 89, 69, 107, 96, 124). А также см.: *Синезий Киренский*. Избранные письма // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2012. Вып. 4 (30). С. 105–121 (здесь представлены письма 135, 147, 113, 4, 105, 16). Полностью письма в английском переводе см.: Synesius of Cyrene. *The Letters*. / translation by A. Fitzgerald. Oxford University Press, 1926. URL: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_letters.html (дата обращения: 10.09.2014).

был учеником Гипатии, возможно, даже больше, чем епископом, превозносил свою наставницу сверх всякой меры, а поскольку умер он на несколько лет раньше нее, его письма не помогают пролить свет на обстоятельства ее гибели. Два других автора современниками событий не являлись, и их тем более нельзя заподозрить в объективности и беспристрастности. Дамаский¹⁰, один из последних неоплатоников, пострадавший от юстинианова запрета на философские школы, видит в Гипатии воплощенную мудрость и добродетель и в самых однозначных выражениях вменяет ее убийство в вину христианской церкви как таковой и лично александрийскому архиепископу Кириллу. Иоанн из Никиу¹¹, напротив, будучи коптским епископом, скорее уж поддерживает политику александрийской церкви и с подозрением относится к язычнице, преданной «волхвованию» при помощи всяческих астрологий. Таким образом, все, что сообщается в текстах данных авторов, требует рефлексии не только по поводу того, что сообщается, но и по поводу того, кто и почему говорит об этом. За вычетом интерпретаций остается совсем немного фактов, которые, однако, будоражат воображение.

В истории Гипатии удивительнее всего, пожалуй, не то, что ее убили особо жестоким образом, а то, что она вообще оказалась на том месте, на котором оказалась, продержавшись в роли сcholарха около двадцати лет, очевидно, имея при этом определенное влияние, в том числе и политическое. Синезий, например, пишет ей в таком духе: «Власть неизменно находится в твоих руках, и ты долго еще будешь обладать ею и использовать во благо»¹². Для античной культуры женщина-сcholарх и, добавим, женщина-парресиаст — это все-таки нонсенс именно в силу того, что женщины гражданскими правами не обладали и не имели доступа в публичную сферу¹³, а философия была делом публичным. Впрочем, известны некоторые женщины из античной истории, имевшие

¹⁰ Дамаский (ок. 462 — после 538 н. э.), последний сcholарх Афинской школы, учился риторике в Александрии и был вхож в кружки александрийских платоников, где, соответственно, и мог услышать «предания» о жизни и смерти Гипатии. Текст Дамаския, в котором упоминается Гипатия, — это «Жизнь Исидора». Это сочинение дошло до нас в виде фрагментов в составе так называемой «Суды», Лексикона X века. Фрагмент, относящийся к Гипатии, в английском переводе см.: *Armstrong A. H. Damascius' Life of Isidore // The Classical Review, New Series, Vol. 19, No. 1 (Mar., 1969), pp. 49-50.*

¹¹ Имеется в виду его «Хроника», написанная в VII веке и сохранившаяся в эфиопской рукописи (та, в свою очередь, восходит к арабскому источнику). Английский перевод см.: John, Bishop of Nikiu: *Chronicle*. London.1916. URL: http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/nikiu2_chronicle.htm (дата обращения: 15.05.2014). О Гипатии речь идет в главе LXXXIV.

¹² «You always have power, and long may you have it and make good use of that power» См.: Synesius of Cyrene. *The Letters*. Letter 81 To the Hypatia: Death of Synesius' Son; a Recommendation. URL: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_letter_081.html (дата обращения: 10.09.2014).

¹³ О повседневной жизни античных женщин, их правах, статусе и обязанностях см.: Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М.: Молодая гвардия, палимпсест, 2005; Женщина в античном мире : сб. статей. М. : Наука, 1995; Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М. : Наука, 1990; Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М. : Институт востоковедения РАН, 1998.

отношение к философии. Они по большей части представляют собой фигуры полубогатые, что, впрочем, не столь уж важно, поскольку сами греки, когда им нужно было легитимировать свои позиции ссылкой на предшественника-предка, не делали радикальных различий между историческим лицом и мифологическим персонажем. Среди легендарных философий, заложивших культурную почву для гипатиевого прецедента, помимо пресловутой Аспазии могут быть упомянуты также жена и дочери Пифагора, ученицы Платона и, разумеется, Гиппархия, жена киника Кратета. Однако обо всех этих дамах говорилось как о *последовательницах* и *почитательницах*. Никто из них, включая даже держательницу частного интеллектуального клуба Аспазию (которая, как утверждали злые языки, якобы писала Периклу его знаменитые речи), никто и никогда не претендовал на право публичного философского дискурса от первого лица. Наверное, нет особого смысла обвинять античную культуру в жесткой патриархальности, нарушающей некие естественные права женщин на творческую самореализацию: в конце концов, любая культура (по крайней мере традиционная) представляет собой определенную систему границ, в рамках которой нечто возможно именно потому, что не возможно многое другое. По крайней мере подход к гендеру как к подвижному историческому конструкту, а не метафизической сущности, как представляется, обладает в данном случае большим эвристическим потенциалом. В любом случае, для античных греков способность к логосу — это сугубо мужская способность, укорененная в мужской «физиологии» и увязанная именно с мужским типом социализации, мужским же принципом агональности и даже мужской эротикой. Опять же, как показывает М. Фуко в своем анализе диалога Платона «Лахет»¹⁴, парресиастическая практика, когда речь о ней шла в позитивном смысле, неизменно воспринималась через призму воинской доблести и буквально мужества (ἀνδρεία). В то время как в применении к женщинам ἑγκράτεια, то есть воздержанность, означала, прежде всего, добродетель молчаливости. Поэтому закономерно, что наилучшие из женщин (в меру сил подражая в этом «достойным юношам») могли похвастаться лишь своей восприимчивостью к предъявляемому логосу, своей разборчивостью, способностью оценить его и соблазниться им. Наиболее радикальный пример в данном случае — Гиппархия, которая, будучи аристократкой, настолько увлеклась Кратетом и его философией, что пригрозила родителям самоубийством, если те не выдадут её за него замуж¹⁵. И все же отважная и бойкая на язык Гиппархия, разделившая со своим избранником все прелести кинического праксиса, больше походила

¹⁴ Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-84 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб. : Наука, 2014. С. 125–149.

¹⁵ Как сообщает Диоген Лаэртский, Гиппархия «полюбила и речи Кратета, и его образ жизни, так что не обращала внимания ни на красоту, ни на богатство, ни на знатность своих женихов: Кратет был для неё всё. <...> Она сделала свой выбор: оделась так же, как и он, и стала сопровождать мужа повсюду, ложиться с ним у всех на глазах и побираться по чужим застольям» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1979. С. 265–266).

на говорящий трофей, чем на субъекта философствования. Чтобы женщина была «гениальным философским учителем» (а именно так называл Гипатию Синезий), причем не просто претендовала на столь высокий статус, но и была признана в этих претензиях, — как такое вообще оказалось возможно? Разумеется, Александрия рубежа 4-5 веков нашей эры — место пестрого культурного смешения, на фоне которого могло быть приемлемо многое из того, что было немыслимо в классических Афинах. Разумеется, и школа Гипатии — это всего лишь кружок ее слушателей, собирающийся на обломках разоренных институций (Серапеума и Библиотеки). И, тем не менее, согласно источникам, это лучшее, что происходило на тот момент в русле платонизма. Синезий, посетивший в поисках философии Афины, пишет: «В Афинах не осталось больше ничего, заслуживающего почитания, кроме славных названий! <...> Сегодня Египет возвращает семена мудрости, которые он принял от Гипатии. Афины же, некогда бывшие пристанищем мудрых, ныне славятся лишь искусством приготовления меда»¹⁶. Сократ Схоластик характеризует Гипатию следующим образом: «Она приобрела такую учёность, что превзошла современных себе философов; была преемницей платонической школы, происходившей от Платона, и желающим преподавала все философские науки. Поэтому хотевшие изучить философию стекались к ней со всех сторон»¹⁷. Таким образом, Гипатия действительно была широко известна и признана именно в качестве схоларха и тем самым была фигурой публичной, по крайней мере до некоторой степени. Здесь есть смысл остановиться и подвергнуть столь чудесный прецедент анализу, не удовлетворяясь простой констатацией факта в том духе, что даже в традиционном обществе кто-то мог получить лавры по заслугам вопреки сложившимся обычаям и стереотипам. Здесь уместно задать вопросы, почему это произошло, что значит этот феномен и какой ценой для самой Гипатии был оплачен столь высокий, а для древнегреческой женщины и вовсе исключительный, статус.

Прежде всего, не отрицая безусловных гипатиевых способностей, все-таки предположим, что эта роль ей досталась не потому, что на тот момент действительно не было равных ей по философскому таланту мужчин, а потому, что все талантливые и амбициозные интеллектуалы (включая и учеников Гипатии, таких как Синезий) в это время сместили фокус своего интереса с философии на становящуюся христианскую теологию. И там действительно мы видим целую плеяду совершенно блистательных авторов, среди которых и Иоанн Златоуст, и Августин Блаженный, да и сам Кирилл Александрийский. Резон в такой смене приоритетов понятен: растущее давление со стороны христианской церкви, которое выражалось в последовательном запрете на разного рода сопутствующие философии интеллектуальные штудии (прежде всего, математику и астрономию¹⁸), отнюдь не способствовало свободе мысли.

¹⁶ *Синезий Киренский*. Письмо 135. К Евоптию // *Избранные письма / Синезий Киренский* // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2012. Вып. 4 (30). С. 108–109.

¹⁷ Сократ Схоластик. *Церковная история*. Книга VII Глава 15. Об Ипатии философе // *Церковная история / Сократ Схоластик*. М.: Росспэн, 1996.

¹⁸ Закон против математиков был издан в 370 г. В Кодекс Феодосия он вошел в качестве статьи IX. 16. 8. Этот закон продолжил кампанию по искоренению язычества,

Философствование постепенно само становилось делом неблагонадежным, потенциально подконтрольным цензуре и политически бесперспективным. Но у этой внезапной потери интереса к философской карьере есть, как представляется, еще одна, не менее важная причина. Философия на тот момент давно уже стала делом школы, утратив остроту проблем, а с ней вместе и столь важную для греков агональность. В этой внутренней стагнации философского логоса Александрийский библиотечно-музейный проект сыграл свою заметную парадоксальную роль: хранение, каталогизация, чтение и комментирование впечатляющего фонда мудрости незаметно превратило философов в знатоков¹⁹. В этом смысле настойчивое и многократное уничтожение александрийской библиотеки²⁰ может быть осмыслено и с другой, пусть и несколько шокирующей стороны. Да, несомненно, это бунт варварства против цивилизации, да, в результате западная культура понесла невосполнимые потери. Да, конечно, в истории публичное сожжение книг всегда предшествовало самым нелицеприятным кровавым эксцессам, и в таком качестве оно оправдано быть не может. Вот и гуманистическая позиция Аменабара, показывающего фанатичных мракобесов в храме науки, однозначна и сурова. Однако на фоне отчетливого ощущения гуманитарной катастрофы внезапно (и, возможно,

поскольку математику и астрономию связывали с астрологией, последняя же, в свою очередь, опиралась на языческую концепцию судьбы и мантическую практику и как таковая не укладывалась в только что очерченные границы христианского вероисповедания. И изучение, и преподавание математики каралось смертной казнью.

¹⁹ Например, А. Ф. Лосев так характеризует александрийскую философскую ученость: «Прежде всего, александрийские неоплатоники прославились как замечательные комментаторы — в первую очередь Аристотеля, а также и Платона. При этом александрийские комментаторы отличались весьма деловым характером, придерживались по большей части фактографического понимания комментируемых текстов и вопреки яввлиховской манере пользоваться комментируемыми текстами для построения собственной философии старались не отвлекаться в сторону и придерживались филологической точности» (см.: *Лосев А. Ф. Итоги тысячелетнего развития. Книга I. Часть первая. Александрийский и восточный раннехристианский неоплатонизм. М.: Искусство, 1992. С. 6).*

²⁰ Книжные фонды Александрийской библиотеки, основанной при Мусейоне в III в. до н. э., подвергались уничтожению несколько раз. Первый урон произошел во время войны Цезаря с Птолемеем XIII в 48-47 годах до н. э., когда в результате военных действий в городе случился большой пожар и часть книг библиотеки сгорела. Однако, по преданию, чтобы угодить Клеопатре, Марк Антоний пополнил Александрийскую библиотеку за счет фондов Пергамской. Основной фонд библиотеки, вероятнее всего, погиб в 273 году, когда император Аврелиан, подавляя мятеж царицы Зенобии, при взятии Александрии разрушил и сжёг Брухейон, где на тот момент и хранилась основная часть книг, однако то, что размещалось в храме Сераписа, сохранилось. В 391 году христиане разрушили Серапеум и уничтожили большую часть фонда. То, что спасли энтузиасты, окончательно погибло в 641 году по распоряжению халифа Умара ибн аль-Хаттаба, которому приписывается следующее гениальное обоснование этого акта вандализма: «Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, то они бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, то они вредны. Поэтому и в том и в другом случае их надо сжечь».

помимо установки самого режиссера) возникает совсем другое чувство — чувство легкости и освобождения, когда мы видим драгоценные пергаментные свитки, с приятным фырчанием порхающие под куполом. Очевидно, переполненные культурные архивы имеют тенденцию время от времени катастрофическим образом освобождаться. Во всяком случае, христианство стало тем, чем оно стало, — некоей цивилизационной новостью, в том числе и благодаря таким травматичным акциям. Хотя, конечно, и определенная преемственность с наследием старого мира также имела место быть.

На рубеже 4-5 веков н. э. в христианской теологии кипели нешуточные страсти вокруг обсуждаемых вопросов догматики, так что богословие было делом не только серьезным, но и рискованным, а потому значимым и интересным. Здесь в деле толкования Откровения многое ставилось на кон: в зависимости от силы аргументации (не только боговдохновенной, но и политической) одни оказывались в статусе Отцов Церкви, другие — ересиархов²¹... В это время Гипатия всего лишь охраняла догорающий очаг в ситуации, когда до него почти уже никому не было дела. До нас не дошли ее тексты, но если бы они и дошли, мы вряд ли увидели бы в них некую в полной мере самостоятельную философскую концепцию²². Вероятно, не потому, что у Гипатии на большее не хватало личного таланта, а просто потому, что претензия женщины на оригинальную философскую доктрину выглядела бы неуместно, а стало быть, социально неприемлемо. С другой стороны, свежее и убедительное философское учение на территории, подконтрольной таким деятелям, как александрийские архиепископы Феофил и Кирилл, по определению было бы невозможно, поскольку оно потенциально составляло бы слишком сильную «мировоззренческую» конкуренцию христианству. Соответственно, Гипатия, которая могла претендовать только на то, чтобы быть живым эхом Платона, как

²¹ Историк Эдвард Гиббон приводит весьма красноречивое высказывание на этот счет Гилария, епископа Пуатье: «В одинаковой степени достойно сожаления и опасно то, что у людей существует столько же символов веры, сколько есть мнений, столько же учений, сколько есть склонностей, и столько же источников богохульства, сколько есть у нас ошибок; это потому, что мы составляем символы веры произвольным образом и объясняем их так же произвольно. Гомоусия была отвергнута одним собором, потом принята другим, потом разъяснена еще одним. Частичное или полное сходство Отца и Сына — вот предмет для споров в наши несчастные времена. Мы раскаиваемся в том, что сделали, защищаем тех, кто раскаялся, предаем анафеме тех, кого защищали. Мы осуждаем либо чужое учение в себе самих, либо свое учение в чужом, и, разрывая друг друга в клочья, мы погубили друг друга...» (*Гиббон Э. Упадок и разрушение Римской империи*. М.: Центрполиграф, 2005. URL: http://historylib.org/historybooks/Edvard-Gibbon_Upadok-i-razrushenie-Rimskoy-imperii-sokrashchennyi-variant-/20 (дата обращения: 20.09.2014)).

²² Не случайно известные нам названия ее собственных трактатов или трактатов, написанных ею в соавторстве с Теоном, сплошь имеют отношение только к математике и астрономии: комментарий к 13-й книге «Арифметики» Диофанта; редакция третьей книги комментариев Теона к «Альмагесту» Птолемея; редакция комментариев Теона к «Началам» Евклида; комментарии к «Коникам» Аполлония Пергского; «Астрономический канон».

превосходный знаток и эксперт, была не только приемлема в этой роли, но даже и весьма полезна для теологов, так или иначе нуждавшихся в языке платонизма для формулирования ключевых принципов догматики. Кстати, в необходимости апроприации целого ряда философских концептов надо видеть причину того, что философию запретили гораздо позже, чем математику и астрономию²³, и запретили, надо думать, тогда, когда процесс трансформации философского языка в язык богословия уже во многом завершился, а рискованный характер философской мысли радикально перевесил «пользу» от нее. В этом контексте главное философское достижение Гипатии — это даже не некое учение, а ее собственная жизнь и смерть, что тоже довольно типично для античности, не разрывавшей жизнь и мысль, теорию и праксис. В частности, правдивость философской речи измерялась тем, насколько гармонично в самом говорящем индивиде сочетаются логос и биос, высказываемая с претензией на истину мысль и образ жизни.

Безупречная жизнь: платоническая эротика и аскеза

В случае Гипатии ценой доступа к практике веридикции, то есть высказывания истины, была не только смерть, но и весьма существенные ограничения при жизни. Речь, прежде всего, о пресловутой девственности Гипатии, о которой прямо упоминает Дамаский²⁴ и которая стала для фильма Аменабара настоящей проблемой. Для исторической Гипатии целомудрие было важной составной частью не только философского образа жизни как такового, но и, так сказать, имиджа, поэтому его не имеет смысла трактовать, как это в конечном итоге и получилось у Аменабара, в терминах индивидуального либидо. Она отчаянно нуждалась в безупречной репутации и действительно добилась ее, и здесь создав прецедент. Теон, который и решал судьбу своей дочери, как это и было положено отцу греческого семейства, мог бы и по идее должен был выгодно выдать ее замуж²⁵, но не сделал этого, дозволив ей преподавание. И это был именно социально значимый символический жест, скорее всего, рассчитанный на повышение статуса²⁶. Демонстративно надев философский плащ (плащ киника, грубый τριβων на богатой даме из элитарных кругов — это,

²³ Занятия математикой и астрономией были запрещены в 370 году при Феодосии, а деятельность философских школ — в 529 году при Юстиниане.

²⁴

«πρὸς δὲ τῷ διδασκαλικῷ καὶ ἐπ' ἄκρον ἀναβῆσα τῆς πρακτικῆς ἀρετῆς, δικαία τε καὶ σώφρων γεγονῶσα, διετέλει παρθένος». См: Damascius. Vitae Isidori reliquiae, ed. C. Zintzen. Hildesheim, 1971. URL: <http://dushelov.no-ip.org/viewtxt.php?txt=/ftp/greek.txt/D/Da/Damascius Phil. - tlg4066.txt> (дата обращения 12.09.2014).

«Помимо своей образованности, она, достигая верха практической добродетели, будучи справедливой и безупречной, продолжала оставаться девой».

²⁵ Древнегреческая женщина не могла выйти замуж сама, поскольку не считалась в полной мере субъектом правовых отношений. Поэтому ее мог выдать замуж только отец, брат или сын. На худой конец, если никого из перечисленных в живых не было, ее могли выдать замуж официальные лица от имени государства.

²⁶ Правда, если Гипатия была единственным ребенком Теона, как это показано в фильме, его решение избавить дочь от замужества можно было бы смело назвать экстраординарным, потому что такой шаг автоматически означал бы прекращение рода — участь, хуже которой для древнего грека (даже с поправкой на александрийский

конечно же, целенаправленный маскарад) и начав читать лекции публично²⁷, Гипатия однозначно выбыла из рядов невест и стала чем-то вроде светской весталки. При этом даже намек на любовные отношения вне брака поставил бы Гипатию на один уровень с гетерами. Гетера могла быть образованной, известной и востребованной, могла быть подругой и музой философа или поэта, но уж никак не схолярхом. А вот демонстративное целомудрие проходило по линии добровольной аскезы, что привычно вызывало уважение. Не в силу того, что эротическое греховно (такое представление еще только начинает складываться в христианской среде), а в силу того, что воздержание представляет собой своеобразный символический обмен с трансцендентными инстанциями²⁸ и, что еще более существенно в контексте философского образа жизни, свидетельствует о способности владеть собой, управлять своим телом и своими желаниями. Кстати, из этих соображений Плотин также вел демонстративно целомудренный образ жизни. В любом случае, упаковав свое безбрачие в квази-жреческую форму служения, Гипатия могла рассчитывать на пиетет со стороны сограждан, который едва ли мог быть уделом просто старой девы. В каком-то смысле она уподобилась не только весталке, но и пифии, став для своих учеников эдаким оракулом Платона, что было хорошим способом получить некоторое право на авторитетное высказывание, то есть пробиться-таки в публичную сферу, пусть и на правах маргинального персонажа. Ведь, как известно, пифии — те немногие женщины, к которым прислушивались, хотя прислушивались именно потому, что их голос принадлежал не им, они всего лишь предоставляли свои легкие божественному дыханию. Опять же, девственность пифий была обязательной и имела ритуальный смысл, поскольку

эллинизм) и представить себе невозможно. Обычно, если дочь была единственным ребенком, отец старался как можно быстрее устроить ее законный брак, с тем чтобы усыновить ее первого сына, который таким образом считался принадлежащим роду отца, а не мужа женщины, и в результате угасающий род оказывался спасен, а предки получали гарантию того, что будет кому осуществлять погребальные и семейные культы. Поэтому логичнее всего предположить, хоть нам это и не известно наверняка, что у Теона все-таки были другие дети, тем более что свой «Малый комментарий» к упрощенным таблицам Птолемея Теон посвящает Епифанию, которого называет своим сыном.

²⁷

«περιβαλλομένη δὲ τρίβωνα ἢ γυνή καὶ διὰ μέσου τοῦ ἄστεος ποιομένη τὰς προόδους ἐξηγεῖτο δημοσίᾳ τοῖς ἀκροῦσθαι βουλομένοις ἢ τὸν Πλάτωνα ἢ τὸν Ἀριστοτέλην ἢ ἄλλου ὅτου δὴ τῶν φιλοσόφων». См: Damascius. Vitae Isidori reliquiae, ed. C. Zintzen. Hildesheim, 1971. URL: <http://dushelov.no-ip.org/viewtxt.php?txt=/ftp/greek.txt/D/Da/Damascius Phil. - tlg4066.txt> (дата обращения: 12.09.2014).

«Она носила трибон, несмотря на то, что была женщиной и, направляясь в середину города, разъясняла тем, кто желал слушать либо Платона, либо Аристотеля, либо любого другого из философов».

²⁸ Р. Кайуа дает объяснение различным аскетическим практикам (по крайней мере в рамках политеизма) именно в этом ключе. Индивид добровольно отказывается от части неких профанных благ, на которые он при этом вполне имеет право, с тем чтобы обменять их на некую долю сакрального могущества. В так понимаемой аскезе нет, разумеется, и тени смирения, она даже может принимать формы шантажа божественных инстанций, которые оказываются обязанными возместить символический дар аскета (см.: *Καίυα Ρ.* Миф и человек. Человек и сакральное. М. : ОГИ, 2003).

просто-напросто должна была гарантировать отсутствие, если можно так выразиться, в емкости медиатора посторонних субстанций. Кроме того, девица как нельзя лучше подходила к роли оракула постольку, поскольку она не могла озвучить свои частные интересы и интересы своей семьи, каковых при условии ее ритуальной выключенности из социальных связей у нее просто не было²⁹.

Короче говоря, Гипатия по роду своих занятий не нуждалась собственно в ритуальной чистоте, но мастерски использовала ее знаки, слегка смещая их, переозначивая, усиливая с их помощью привычные формы философского праксиса и таким образом делая социально приемлемыми свои философские амбиции. Обычная женщина (не важно, знатная или нет), вздумай она вещать что-либо посреди агоры, непременно навлекла бы на себя упреки в бесстыдстве. Но если говорящая носила плащ киника со смыслом и достоинством, то есть как знак автаркии³⁰ в повседневной жизни, плащ этот становился также знаком права на «вольную речь». Киники считались парресиастами по преимуществу, другое дело, что их откровенные высказывания зачастую были не только нелюбезны, но и грубы до непристойности. Гипатия в плаще киника не становилась киником, но претендовала на то, что ведет жизнь настолько во всех смыслах безупречную и воздержанную, что ей совершенно нечего скрывать и нечего стыдиться. И наоборот, публичная открытость, пребывание на виду оказывалось действенным методом по преобразованию обыкновенной частной жизни в жизнь-по-истине. Поэтому субъект этой целомудренной жизни мог быть уместен на агоре на правах чуть ли не произведения искусства.

Однако и цена была высокой. Хотя бы в том элементарном смысле, что со смертью отца Гипатия осталась плохо защищена с правовой точки зрения, почему в итоге за ее вопиющее убийство, возмущившее общественность, никто так и не был официально наказан. Это парадоксальное соединение влиятельности и беззащитности заметно, если посмотреть на обращение к ней ее учеников, прежде всего Синезия: «О, моя мать, моя сестра, мой учитель, мой благодетель!»³¹ Эти нарочито семейные эпитеты говорят о шаткости и пограничности ее положения. Во-первых, она так и осталась наполовину привязана к семейному контексту, а стало быть, и к частному пространству.

²⁹ Это в теории, разумеется. На практике, как известно, то самих пифий, то жрецов, которые транслировали пророчества на аудиторию, регулярно кто-нибудь да подкупал. О. В. Кулишова пишет о том, что Дельфийский оракул постоянно вступал в политические альянсы, чаще всего со Спартой. Кулишова О.В. Спартанские цари и Дельфы (VI-V вв. до н. э.) / Античное общество — IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5-7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001. URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/kulish.htm> (дата обращения: 10.10.13).

³⁰ Автаркия (*αὐτάρκεια*) — самодостаточность существования, этический идеал, получивший распространение в эллинистическую эпоху. Он предполагал способность довольствоваться малым и владеть собой в любых обстоятельствах. Иными словами, верховной властью для индивида должен был быть он сам. Условием автаркичной жизни философа была атараксия (*αταραξία*) — спокойствие и невозмутимость духа.

³¹ Синезий Киренский. Письмо 16 // Синезий Киренский. Избранные письма // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2012. Вып. 4 (30). С. 172.

Во-вторых, претендовать на то, чтобы быть для влиятельных людей *как бы* матерью и *как бы* сестрой, значило претендовать на их покровительство и защиту, хотя такое покровительство конвенционально, а не строго вменено как в случае с реальными матерями и сестрами. В отношении Синезия эта схема успешно сработала, поскольку в отличие от персонажа фильма, фактически отвернувшегося от Гипатии, когда она отказалась принимать христианство, и предоставившего ее гневу толпы, исторический Синезий до конца своих дней не только советовался с Гипатией, но и защищал ее.

Что же касается кинематографической Гипатии, то ее целомудрие оказалось сложной проблемой для построения убедительного образа. Внятно объяснить зрителю в двух словах, что статус замужней женщины в древней Греции был несовместим с какой-либо интеллектуальной деятельностью, в общем-то удалось, но проблема в том, что с точки зрения современной культуры, базирующейся в этом отношении на фрейдизме, женщина, пренебрегающая сексуальностью, однозначно воспринимается как ущербное существо. Но в таком случае героиня едва ли может вызвать эмпатию. А потому на выручку приходят два несостоявшихся претендента в любовники (префект Орест³² и раб Давус)³³, отыгрышающие всю гамму возвышенно-эротических переживаний. В фильме атараксия дается Гипатии как-то подозрительно легко и объясняется просто особенностями ее характера. В беседе тет-а-тет с томно вззирающим на нее Орестом она со вздохом констатирует факт, что, дескать, никого ей не любилось, да и все тут. Зритель в целом верит, что эти женщины-ученые не видят ничего, кроме своей сугубо научной страсти, однако подозревает какой-то подвох³⁴. Вообще говоря, здесь как раз срабатывает современное представление о платонической

³² Исторический Орест, в отличие от персонажа фильма, не был уроженцем Александрии, а приехал из Константинополя, чтобы занять должность; не был в собственном смысле слова учеником Гипатии, а всего лишь посещал ее собрания и прислушивался к ее советам; вряд ли даже был знаком с Синезием; не был в Гипатию влюблен и не пытался на ней жениться.

³³ Давус, естественно, — персонаж сугубо синтетический, созданный в соответствии с описанной Ницше психологией ressentiment: он у Аменабара представляет собой триумф реактивных сил, вылившийся в торжество христианства как «религии рабов». Реактивные силы, по Ницше, — это силы злопамятности и нечистой совести, которые побеждают, поскольку отделяют активные силы от их возможностей. В соответствии с этой рецептурой все, что делает Давус, — это не дает действовать самым разным персонажам и в конце концов похищает и у христиан, и у Гипатии ее мученическую смерть.

³⁴ Привожу замечательный фрагмент из пользовательской рецензии на фильм: «Аменабар создал упырьски серьезное кино про одну сумасшедшую бабу — великого ученого. Гипатия, по версии Аменабара, придумала закон всемирного тяготения до Ньютона и предположила эллиптичность орбит планет до Кеплера. Занималась она этим вместо того, чтобы выйти замуж. Когда за ней ухаживает Орест, слабовольный префект александрийский, в самый ответственный момент она вскакивает с ложа, кричит «Как я могла подумать, что орбита круглая? Я должна обдумать все заново» и бежит к своей песочнице, в которой она чертит системы небесных тел. Абсолютно достоверная сцена, ученые женщины всегда так делают — но почему это так истерически смешно?» (см.: *Кваша Семен*. Гошники играют в «Цивилизацию». Рецензия на фильм «Агора». URL: <http://www.film.ru/articles/gopniki-igrayut-v-civilizaciyu> (дата обращения: 10.05.13)).

любви как о сугубо духовном и бескорыстном (не нацеленном на обладание объектом) созерцательном состоянии, которое в силу своей возвышенности полностью деэротизировано. Однако такое представление о платонической любви имеет не так уж много общего собственно с тем, что было прописано у самого Платона и, соответственно, типично для классической античности. В философию всегда был включен эротический подтекст, который, впрочем, нельзя сводить к прямой и непосредственной сексуальности. От сперматического логоса стоиков и до онтофаллофонологоцентризма Деррида мы сталкиваемся с довольно пикантной концептуализацией этой идеи, которую, конечно же, надо понимать не буквально, но, как говорится, в каждой метафоре есть доля метафоры. О том, в какой мере энергия мысли является благотворно направленной эротической энергией, как известно, с подробностями — иногда щекотливыми — говорится в платоновском «Пире».

В сем классическом труде после теоретического знакомства с концепцией онтологически-двойственной природы эроса (которая и должна объяснить страсть исходя из разницы потенциалов) читатель вдруг оказывается перед сценой эротического праксиса по-философски: Сократ возлежит на ложе в объятиях Алкивиада и они, пользуясь уединением, всю ночь с упоением предаются беседе. В «Федре» Сократ поясняет формулу философской филии: объятия одаренного красавца плюс беседа, не более и не менее того. Все изобилие «конских» метафор на фоне плотного описания психосоматических симптомов желания³⁵ недвусмысленно показывает, что мысль как движение в небесную сферу идей у существ, наделенных телом, обязательно нуждается в мощном импульсе смешанной природы, каковым и является импульс эротический³⁶ (любовь к прекрасному телу, которое привлекательно, поскольку делает зримой идею красоты как таковой и потенциально равную в стремлении к добродетели душу). Потому-то полезно и достойно любить одаренных юношей, но предаваться любовным утехам с ними «беззаконно» и «ужасно»³⁷ (по крайней мере с точки зрения Сократа и Платона, не вполне

³⁵ Вот, например, показательный с точки зрения риторики отрывок: «Когда они лежат вместе, безудержный конь влюбленного находит, что сказать возническому, и просит хоть малого наслаждения в награду за множество мук. Зато конь любимца не находит, что сказать; в волнении и смущении обнимает тот влюбленного, целует, ласкает его, как самого преданного друга, а когда они лягут вместе, он не способен отказать влюбленному в его доле наслаждения, если тот об этом попросит. Но товарищ по упряжке вместе с возничим снова противится этому, стыдясь и убеждая. Если победят лучшие духовные задатки человека, его склонность к порядку в жизни и к философии, то влюбленный и его любимец блаженно проводят здешнюю жизнь в единомыслии, владея собой и не нарушая скромности, поработив то, из-за чего возникает испорченность души, и дав свободу тому, что ведет к добродетели» (см.: *Платон. Федр (255 e-256b)* // *Собрание сочинений в 4 т. / Платон. Т. 2. М. : Мысль, 1993. С. 164–165).*

³⁶ Даже аристотелевский Ум как Перводвигатель, являющийся совершенной энергией, неподвижный, совпадающий сам с собой, привносит движение в мир, поскольку мир устремляется к нему, как влюбленный к предмету своей любви. Отсюда и пресловутое у Данте «любовь, что движет Солнце и светила».

³⁷ *Платон. Федр. С. 163.*

совпадающей с общепринятым на тот момент взглядом). Почему? Видите ли, любовь есть «стремление к бессмертию», стремление «родить в прекрасном как телесно, так и духовно»³⁸, а посредством буквально гомосексуального акта все-таки невозможно произвести на свет ни нового сочинения (в «Федре» речи уподобляются сыновьям), ни даже нового гражданина.

Короче говоря, платоническая любовь к идеям и страсть к истине была немислима без любви к другому. Только в этом случае философия представляла собой поиск, который не знает остановки и насыщения. Здесь мы видим мифологию специфической эротизации логоса и соответственно истолкование философского агона как эротического соперничества. И, кстати говоря, с передачей этой наэлектризованной сублимированным эротическим подтекстом философской атмосферы Аменабар справился вполне. Логос при всей своей правдивости и откровенности соблазнителен не меньше, чем пение сирен. Алкивиад сравнивает воздействие философского слова Сократа с суггестивностью флейты Марсия, которой невозможно противостоять, но только в отличие от речей софистов природа соблазна здесь иная, поскольку она направляет соблазненного напрямик в объятия добродетели-арете, побуждая к непрестанной эпимелее³⁹. Так что сократическая парресия могла опираться и на эротические переживания, черпая из них конструктивный импульс заботы о себе (*επιμέλεια*), что позволяло культивировать и гражданские добродетели, и творческие способности. Переход от любования прекрасными телами к воспитанию прекрасных душ опирался на хорошо отточенную практику пайдеи с хорошо регламентированными ролями эраста и эромена⁴⁰... Но вот когда в роли носителя логоса выступает не Сократ и не Платон, а по необходимости щепетильная дева бальзаковского возраста, сбой в программе был практически неизбежен. Впрочем, уже целомудренный Плотин настаивал на деэротизированной трактовке «Пира»⁴¹. Оно и понятно, в Риме II века н. э.

³⁸ Платон. Пир / Собрание сочинений в 4 т. / Платон. Т. 2. М. : Мысль, 1993. С. 116.

³⁹ «Когда мы, например, слушаем речь какого-нибудь другого оратора, даже очень хорошего, это никого из нас, правду сказать, не волнует. А слушая тебя или твои речи в чужом, хотя бы и очень плохом, пересказе, все мы, мужчины, и женщины, и юноши, бываем потрясены и увлечены. <...> Когда я слушаю его, сердце у меня бьется гораздо сильнее, чем у беснующихся корибантов, а из глаз моих от его речей льются слезы; то же самое, как я вижу, происходит и со многими другими. Слушая Перикла и других превосходных ораторов, я находил, что они хорошо говорят, но ничего подобного не испытывал, душа у меня не приходила в смятение, негодуя на рабскую мою жизнь. А этот Марсий приводил меня часто в такое состояние, что мне казалось — нельзя больше жить так, как я живу» (Платон. Пир. С. 126).

⁴⁰ Подробный анализ ролей эраста и эромена, их социализирующей действенности и последующей трансформации в европейской культуре (см.: Михайлин В. Ю. Древнегреческая игривая культура и европейская порнография новейшего времени // Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции / М. Ю. Михайлин. М. : Новое литературное обозрение, 2005).

⁴¹ Пьер Адо приводит на сей счет следующий фрагмент из Порфирия: «Однажды ритор Диофан прочел текст, восхваляющий Алкивиادا в “Пире” Платона; он утверждал, что ради добродетели ученик должен удовлетворять любовные желания своего

любовь к юношам разве что в самую последнюю очередь могла иметь какое-то отношение к пайдеи. Конечно, уже в эллинистический период постепенно происходит перевод гомосексуального эротического сценария в сценарий гетеросексуальный, где младая дева заменяет эромена, однако эта замена не вполне идентична с точки зрения философского и гражданского потенциала эротики. Ведь одаренных юношей любили за то, что в перспективе они должны были превзойти своих наставников-поклонников, их любили как потенциально-равных. В то время как от барышень согласно установкам культуры ожидали взаимности иного рода. Например, их благосклонность вплоть до эпохи романтизма рассматривалась как индикатор «богоизбранности» мастера по словесным искусствам и мыслительным изысканиям. В общем, схема вполне рабочая, сохраняющая и повод для эффективной с точки зрения культурного производства агональности, и повод для сохранения элементов платонической установки на трансцендентный смысл эротических переживаний. Однако понятно, что и в этот формирующийся сценарий Гипатия не вписывалась тоже: будучи наставницей, она не могла выступать в роли неисключенного адресата демонстраций чьей-то гонки интеллектуальных вооружений; будучи женщиной, не могла, подобно Сократу, позиционировать себя как знатока и субъекта философской любви. Так что либо вся эта тонкая сублимированная игра эротизма в гипатиевом кружке сошла на нет, что лишний раз коррелирует с выхолащиванием школьной мысли, либо она приняла довольно-таки причудливые формы, которые могли показаться современникам как минимум странными.

В пользу второго варианта говорят нам сплетни, переданные Дамаскием, которыми успешно в своем сценарии воспользовался Аменабар. «Она была так красива и стройна, что один из ее учеников влюбился в нее и был не в состоянии контролировать себя и открыто сказал ей о своей страсти. Незнающие подробностей говорят, что Гипатия исцелила его недуг музыкой. Правда в том, что история о музыке подложна. На самом деле Гипатия взяла один из лоскутов, испачканных во время ее регул, и показала ему как знак нечистоты своей природы, сказав: «Юноша, ты любишь это. Но в этом нет ничего прекрасного». Стыд и изумление от неприятной демонстрации изменили душу юноши, и он ушел лучшим человеком»⁴². За достоверность этого рассказа

учителя. Плотин волновался; несколько раз он вставал, чтобы покинуть собрание; но он сдержался и, когда слушатели разошлись, приказал мне написать ответ. Диофан не захотел дать мне свою книгу; я восстановил его аргументы по памяти и перед собранием тех же слушателей прочел свой ответ. Плотин так был им доволен, что, пока я читал, все время повторял: «Так порази его, так, если подлинно светоч ты людям» (Жизнь Плотина 15, 6)» (см.: *Адо II. Плотин, или Простота взгляда. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. С. 56*).

⁴² «She was so beautiful and shapely that one of her students fell in love with her and was unable to control himself and openly showed her a sign of his infatuation. Uninformed reports had Hypatia curing him of his affliction with the help of music. The truth is that the story about music is corrupt. Actually, she gathered rags that had been stained during her period and showed them to him as a sign of her unclean descent and said, «This is what you love, young man, and it isn't beautiful!» He was so affected by shame and amazement at the ugly sight that he experienced a change of heart and went away a better man» (см.: *Armstrong A. H. Damascius' Life of Isidore. pp. 49–50*).

трудно поручиться, но эта выходка Гипатии чересчур шокирующая, чтобы быть просто выдуманной для красного словца. Можно себе представить, сколь действителен был этот унижительный по своей сути жест — кинический по форме, неоплатонический по содержанию и парресиастический по произведенному эффекту, — если его цель заключалась в том, чтобы во имя репутации сохранить вокруг харизматичной философини зону телесной неприкосновенности, а заодно дать наставление молодому человеку в искусстве владеть собой. В этом жесте много именно неоплатонической морали (почему мы и слышим об этом эпизоде от Дамаския). История с кровавым платком имеет прямые аналогии с тем, что первым делом сообщает о своем учителе Порфирий: «Плотин стыдился того, что у него есть тело»⁴³. Тело тленно, а потому любовь к нему бессмысленна. И, стало быть, философская филия не допускает более ни объятий, ни прикосновений. Плотинская философская любовь — это сразу любовь к божественному началу, она сразу созерцательна, но именно поэтому в гораздо меньшей степени агональна⁴⁴. Она также устремляется к бессмертию, как рекомендовал Платон, но связывает последнее не с перспективой порождения нового ценой растраты имеющегося, а с аскезой, служащей экстракции жизненных сил и их возгонке в «эмпирии». Гипатия могла лишь встроиться в эту обозначенную Плотинем тенденцию или даже усугубить ее. Разве что смерть Гипатии возвращает ее философии пусть и в сильно трансформированном, побатаевски трансгрессивном и жутковатом виде отзвук платонического эроса, поскольку именно растерзанное тело оказывается предельным обоснованием платонических идей, идеала пайдеи и политической позиции.

Смертоносный характер парресиастической практики

Гипатия у Аменабара практикует паррессию с удивительной регулярностью и завидным бесстрашием как в кругу близких людей, так и в публичном пространстве. Мы видим ее оспаривающей мнения сначала отца, а потом и признанных столпов астрономии; публично упрекающей жрецов Сераписа в том, что они руками ее учеников развязывают религиозную войну; пеняющей самим ученикам (сплошь выходцам из аристократических семей), что драки

⁴³ Цитируется по.: *Адо П.* Плотин, или Простота взгляда. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. С. 83.

⁴⁴ Поэтому Плотин следующим образом переписывает платонические метафоры из «Пира» и «Федра» с целью их спиритуализации и максимально возможного устранения телесно ориентированной эротики: «Души касается веяние, которое ей сообщает Благо. Она тотчас приходит в волнение, она вне себя, она полнится желаниями. Рождается любовь. Пока душа не испытала любви, ее не привлекает Ум, как бы прекрасен он ни был. Ибо красота Ума как будто инертна, пока не освещена сиянием Блага... Но с первым касанием высшего тепла душа обретает силы, она пробуждается, ее крылья крепнут, и, хотя она сразу же проникается любовью к объекту, в данный момент самому близкому, вольная душа воспаряет к другому объекту, если он выше, как если бы в ней жило смутное о нем воспоминание. И доколе существуют объекты любви более высокие, чем тот, который ей доступен, она естественным образом стремится вывс, возвышаемая Тем, от кого получила дар любви. И при этом она превосходит Ум. Но она не может выйти за пределы Блага, так как дальше Него ничего нет» (VI 7, 22, 8) (цит. по.: *Адо П.* Плотин, или Простота взгляда. С. 54).

на площади даже во имя веры — удел рабов и оборванцев. Она приходит (дважды!) на заседание городского совета Александрии, требует от префекта остановить резню в городе и открыто протестует против как обязательного характера христианского вероисповедания, так и фактической узурпации Кириллом полномочий суверенной власти. Правда, эта активность, учитывая, что ее философский контекст практически устранен, выглядит несколько странно: в самом деле, с какой это стати астроном вмешивается в политику? В качестве *кого* она может в нее вмешаться? В любом случае, Гипатия чуть ли не единственная, кто действительно говорит то, что думает, и думает при этом по-просвещенчески самостоятельно, дерзая «пользоваться собственным умом». Она допускает возможность того, что ошибается, но готова нести ответственность за все, что произносит. Своей откровенностью она не стремится никого оскорбить, но ее пронизательная правда, как правило, горька, неприятна и дезавуирует манипулятивные намерения других. А потому ее речь производит все время двойственное впечатление одновременно смиренного служения истине и радикальной дерзости. В итоге ее все слышат, но никто не слушает.

Едва ли такая полнота парресиастического праксиса могла быть присуща Гипатии на самом деле, но здесь мы можем только строить более-менее обоснованные предположения. В фильме Гипатия вполне осознанно идет на смерть, отстаивая две взаимосвязанные и вполне актуальные философские идеи: нейтралитет в отношении религий и автономию разума. С известной долей осторожности можно предположить, что это было характерно и для исторической Гипатии. Как об этом исчерпывающе пишет Кристина Фили, «известно, что, сохраняя нейтралитет, Гипатия не присоединилась к партии защитников Серапеума⁴⁵. Будучи известным и уважаемым учителем, она не участвовала в столкновениях язычников и христиан. Не поддерживала она и никаких контактов с грамматиками Аммонием и Гелладием и философом-неоплатоником Олимпием, поклонявшимися Сарапису, которые, почувствовав нарастание враждебности к язычеству, покинули Александрию. Вероятно, Гипатия вообще не принимала участия в языческой культовой практике»⁴⁶. Среди ее учеников были представители решительно всех религий, в том числе и христиане, хотя сама она христианство не приняла⁴⁷. Конечно, философ-платоник по определению не может быть и атеистом, поэтому Гипатия скорее

⁴⁵ Вопреки тому, что нам показывает Аменабар, отступая от фактов в пользу драматического эффекта.

⁴⁶ Фили К. Гипатия: жертва конфликта между старым и новым миром // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 2. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/HYPAT.HTM> (дата обращения: 05.08.2014).

⁴⁷ Так называемое письмо Гипатии патриарху Кириллу, в котором она выражает свои симпатии христианству и испрашивает дозволения креститься, является фальшивкой, созданной для того, чтобы подтвердить версию событий, согласно которой Гипатия была благочестивой христианкой, желавшей помирить Ореста и Кирилла, а последний не только не желал ее смерти, но и был этим событием глубоко опечален (см.: Житие святого отца нашего Кирилла, архиепископа Александрийского в изложении святителя Димитрия Ростовского. URL: <http://idrp.ru/zhitiya-svyatih-lib569/> (дата обращения: 26.09.2014)).

всего была сторонницей философской теологии, для которой (с подачи Анаксагора, а затем Платона, Аристотеля и, наконец, Плотина) Божество — это Ум, а потому мышление и философское созерцание — это единственный адекватный способ приобщения к Божественному Благу, в то время как любая культовая практика, будь она хоть политеистической, хоть христианской, представляется нерелевантной. Вот и в фильме на упреки в безбожии она заявляет, что «верит в философию».

Однако публично озвученная философская дистанция по отношению к официальной религии уже во времена Анаксагора и Сократа не была безнаказанной, в Александрии же начала V века глава философской школы, будь он мужчиной, просто не имел бы ни малейшего шанса уклониться от выбора стороны в острых религиозных конфликтах между язычниками, евреями и христианами разного толка. Гипатия продержалась при философском Боге целых двадцать лет, поскольку уклонялась от конфессиональной принадлежности, но это было возможно только в силу ее маргинального положения. Поскольку она гражданским статусом не обладала, на ее по определению досужие занятия довольно долго смотрели сквозь пальцы. Иными словами, слабость маргинальной позиции при умении чувствовать ситуацию предоставила Гипатии целый ряд преимуществ, позволяя (до поры до времени) сочетать определенное влияние с завидной долей безнаказанности. И что более существенно, дала шанс не только оставаться верной себе и Платону втихомолку, но и ненавязчиво продвигать свой «проект», возделывая оазис «философской образованности» в совершенно неблагоприятных для этого обстоятельствах. И вот, оставаясь частным лицом, Гипатия получила значимость публичной фигуры. Сократ пишет: «По своему образованию, имея достойную уважения самоуверенность, она со скромностью предстала даже пред лицом правителей, да и в том не поставляла никакого стыда, что являлась среди мужчин, ибо за необыкновенную ее скромность все уважали ее и дивились ей»⁴⁸. Дамаский дает и вовсе удивительные формулировки: «Такой была Гипатия: столь красноречивой и искусной в словах, сколь благоразумной и граждански добродетельной в делах. И весь город исключительно любил ее и воздавал почет»⁴⁹.

Опять же, античная история знает массу примеров влиятельных и властных женщин, но их уделом обычно были закулисные интриги, их цели, как правило, не выходили за рамки частных интересов. Они осваивали искусство манипуляции статусными мужьями, за что их частенько порицали, но в целом

⁴⁸ Сократ Схоластик. *Церковная история* (Книга VII. Глава 15. Об Ипатию философе) // Сократ Схоластик. *Церковная история*. М.: Росспэн, 1996).

⁴⁹ См.: *Armstrong A. H. Damascius' Life of Isidore*. Pp. 49-50: «Such was Hypatia, as articulate and eloquent in speaking as she was prudent and civil in her deeds. The whole city rightly loved her and worshipped her in a remarkable way». Греческий текст: «οὕτω δὲ ἔχουσαν τὴν Ὑπατίαν, ἐν τε τοῖς λόγοις οὖσαν ἐντρεχῆ καὶ διαλεκτικὴν ἐν τε τοῖς ἔργοις ἔμφρονά τε καὶ πολιτικὴν, ἣ τε ἄλλη πόλις εἰκότως ἠσπάζετό τε καὶ προσεκύνει διαφερόντως». См.: *Damascius. Vitae Isidori reliquiae*, ed. C. Zintzen. Hildesheim, 1971. URL: <http://dushelov.no-ip.org/viewtxt.php?txt=/ftp/greek.txt/D/Da/Damascius Phil. - tlg4066.txt> (дата обращения: 12.09.2014).

относились к их амбициям терпимо, поскольку такого рода поведение вполне укладывалось в имеющийся культурный сценарий. Женщина же, выступающая в народном собрании, с точки зрения древнего грека, скорее, была поводом для комедии (вспомним Аристофана). А о гражданской добродетели в применении к женскому населению полисов или римской республики речь заходила лишь метафорически, когда отмечали, например, похвальную готовность спартанок принимать смерть своих мужей и сыновей на поле боя как должное или римлянок, согласившихся во время пунических войн сократить расходы на роскошь. Так что едва ли Гипатия в действительности могла участвовать в политических дебатах в городском совете и уж тем более прямо выступать против архиепископа Александрии, требуя «посадить его под замок». Во всяком случае, о таких заявлениях или об открытой критике христианства источники едва ли стали бы умалчивать, поскольку в глазах авторов церковных такое поведение если и не санкционировало бы расправу, то по крайней мере оправдывало бы гнев оскорбленных христиан.

Поэтому, похоже, Гипатия присутствовала в публичном пространстве, но все-таки не вмешивалась в политику напрямую. И такая стратегия влияния отчасти напоминает стратегию Сократа, на которую обращает внимание Фуко⁵⁰. Сократ, безусловно, парресиаст без страха и упрёка, но парресиаст, предпочитающий беседы на агоре выступлениям в совете или в народном собрании, поскольку непосредственное участие в политических делах, учитывая бескомпромиссность сократической этики, привела бы жалящего своей правдой философа к гибели задолго до того, как он успел бы выполнить миссию, возложенную на него «свыше», а именно заботиться о гражданах Афин, приучая их неустанно заботиться о себе, совершенствуясь в добродетелях. Фуко интерпретирует это так, что Сократ не боится смерти, но он боится не выполнить свой гражданский долг, а потому с готовностью умирает, когда это наиболее полезно для дела эпимелей. Подобным образом, учитывая ее положение, действовала и Гипатия: она влияла на своих высокопоставленных учеников и слушателей⁵¹, но отнюдь не только с целями продвинуть кого надо куда следует,

⁵⁰ Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-84 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб. : Наука, 2014. 357 с.

⁵¹ «Из «Писем» Синесия нам известны имена некоторых учеников Гипатии – Теотехна, Афанасия, Феодосия и Гая. В письме Геркулиану Синесий пишет о том, что в кружок Гипатии входили высокие военные сановники (comes) и архонты (благородные), как, например, Пентадий и Гелиодор. Пентадий в 403–404 гг. занимал должность императорского префекта Египта. Синесий называет его «приятнейшим и образованнейшим человеком». Дамаский указывает на то, что Пентадий посещал кружок, где Гипатия читала лекции для образованной публики. Что касается Гелиодора, которого Синесий характеризует как человека весьма образованного, то из-за недостатка свидетельств мы не можем с уверенностью сказать, что он был учеником Гипатии. (Гелиодор был риториком и законоводителем при дворе императорского префекта в Александрии» (см.: *Фили К.* Гипатия: жертва конфликта между старым и новым миром // Вопросы истории естествознания и техники, 2002, № 2. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/HYPAT.HTM> (дата обращения: 05.08.2014)).

хотя и это имело место тоже. Она также давала представителям элиты частные консультации от лица философии Платона (читай — от лица Всеобщего Блага, от лица Логоса), предлагала теоретические советы, имевшие политический (в широком понимании) смысл, и именно в связи с этой деятельностью наставника можно в применении к ней говорить о практике парресии. Чем, собственно, философские беседы вокруг наследия Платона были интересны не только молодым людям, но и взрослым мужам, влиятельным сановникам? Чем мог быть ценен философский досуг и философ в роли наставника? Как сообщает нам «Алкивиад» Платона (текст, особенно ценный в поздний эллинистический период), чтобы претендовать на право управлять другими, надо уметь управлять собой. Иными словами, государственный муж только тогда может хорошо позаботиться о городе и выполнить на должном уровне свои обязанности, когда он умеет позаботиться о своей способности отличать справедливость от несправедливости и жить в соответствии с должным. И для этой заботы о себе он нуждается в наставнике, не только знающем общие отвлеченные истины, но и умеющем жить в соответствии с ними и, что немаловажно, умеющем без обиняков говорить правду своему подопечному⁵². То есть гражданская добродетель Гипатии, о которой говорит неоплатоник Дамаский, скорее всего, была связана с практиками пайдеи и эпимелей, обучающими тех, кто будет принимать политические решения или уже принимает их, мыслить и поступать в горизонте гражданской ответственности, ориентируясь на платоническое понимание общего блага и справедливости.

Разумеется, эта игра Гипатии на мерцающем статусе маргинальной фигуры не могла продолжаться бесконечно долго, в конечном итоге гипатиев нейтралитет был воспринят как политическая позиция, *как если бы она имела на нее право*. Ей, безусловно, был инкриминирован *хюбристический* характер ее деятельности, но для того чтобы понять, почему столь резко сменились акценты и парресия, бывшая следствием верности Платону, из «гражданской добродетели» была перекаленирована в дерзость, достойную смерти, следует кратко рассмотреть, если так можно выразиться, «политический проект» оппонентов Гипатии, Феофила и Кирилла, архиепископов Александрийских.

Аменабар, живописуя этих видных церковных деятелей как харизматичных фанатиков и мракобесов, существенно упрощает ситуацию. Конечно, амбициозность вовлекла их в целый ряд скандалов⁵³, их методы спровоцировали резкую критику даже в церковной среде того времени и вряд ли вызвали бы сочувствие сейчас⁵⁴, однако получить статус Отца Церкви невозможно только

⁵² Преображенский П. Ф. Предисловие // Ипатия / Ч. Кингсли, Ф. Маутнер. Харьков: ИКП «Паритет» ЛТД, 1994. URL: http://az.lib.ru/k/kingsli_c/text_1853_hypatia.shtml (дата обращения: 12.10.2014).

⁵³ См.: Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1881-1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677с.

⁵⁴ В основном эти скандалы были связаны с соперничеством меду Александрийской и Константинопольской Церковью. Наиболее известный из них — история с низложением и изгнанием Иоанна Златоуста, утвержденного на константинопольской кафедре вопреки желанию Феофила. В конечном итоге развернутая Кириллом кампания по обвинению Нестора в ереси также имела подоплекой константинопольское происхождение последнего. Как сообщает Сократ, даже получение Кириллом

лишь благодаря патологическому властолюбию. По крайней мере Кирилл действительно был выдающимся теологом, автором большого количества трудов, посвященных библейской экзегезе, апологетике и догматике, и христианская церковь действительно многим ему обязана не только в деле укрепления своих позиций, но и в создании христологической доктрины. Если предположить, что цели Феофила и Кирилла выходили за рамки личной «похоти господствования», то напрашивается вывод, что вся их чрезвычайно энергичная деятельность была направлена на то, чтобы установить в сфере влияния Восточной Церкви ни больше ни меньше, режим теократии. Который, к слову, был совершенно немислим в императорском Константинополе, где вполне в традициях античного мира верховенство светской власти не ставилось под сомнение⁵⁵, зато находил очевидную поддержку на египетских территориях, где давала о себе знать древняя привычка к жреческой корпоративности, столь долго и эффективно осложнявшей жизнь фараонам. Так что совершенно не случайно Феофил опирался именно на христиан-коптов. Теократический проект александрийской архиепископской династии предполагал не только слияние светской и церковной власти при явном приоритете последней, но также и абсолютно гомогенное культовое пространство, подразумевающее единство религиозной доктрины. Отсюда понятно и рвение в искоренении следов язычества, и гонения на евреев, и борьба с еретиками (инакомыслием

архиепископской кафедры в Александрии сопровождалось трехдневными волнениями и беспорядками, в ходе которых Кирилл оттеснил другого кандидата на этот пост, поддержанного светской властью и менее радикальными представителями церкви. И собственно сам Эфесский собор, в ходе которого было утверждено почитание матери Христа как Приснодевы и Богородицы, а Несторий объявлен ересиархом, прошел с рядом громких эксцессов.

⁵⁵ И Феофил, и его преемник Кирилл были известны своей жестокостью в преследовании язычников, евреев и еретиков, а также своей авторитарностью. Как пишет о Феофиле П. Гидулянов, «в пределах своего диоцеза он не довольствовался тем, что ставил и отрешал епископов: он уничтожал прежние епархии, создавал новые, распространял или сокращал их пределы для выгод своей власти. С подчиненными ему епископами он обращался как с рабами, удаляя их без объяснения и без пощады при малейшем подозрении в стремлении к независимости. За сопротивление своих подчиненных он подвергал их оковам, темнице и изгнанию. Он отлично понял значение императорской власти в церковных делах Восточно-Римской империи и старался опереться на этот базис. Как передает биограф св. Златоуста Палладий, Феофил имел в Константинополе на жалованье шпионов, с помощью которых знал все, что там происходит. Хорошо зная подкупность византийского двора, он превосходно умел ею пользоваться. Отсюда его постоянное стремление к богатству. Никакие суммы, даже сборы на бедных, не избегали его рук» (*Гидулянов П. В. Феофил Александрийский // Христианство: Энциклопедический словарь / гл. ред. С. С. Аверинцев. Т. III. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993–1995. С. 104–105; Гидулянов П. В. Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти: историко-юридическое исследование. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1908. С. 561–564, 618. URL: http://starieknigi.info/Knigi/G/Gidulyanov_P_Vostochnye_patriarhi_v_period_chetyreh_pervyh_vselenskih_soborov_1908.pdf (дата обращения: 10.09.2014)).*

в христианском вероучении). Теократический проект объясняет и практику конфискации имущества тех, кто «попал под раздачу», и стремление организовать настоящую династию⁵⁶, и авторитарный стиль управления, и формирование собственных «силовых» структур быстрого реагирования⁵⁷, и совершенно однозначную и последовательно проводимую политику вмешательства во все функции светской власти. В этом смысле прозвище христианского фараона, с легкой руки Иоанна Златоуста данное Феофилу, чрезвычайно показательно. Что же касается Кирилла, то о нем Сократ Схоластик сообщает, что он «... вступил на епископство с большей властью, чем Феофил, ибо с его времени александрийское епископство выступило за пределы священнического сана и начало самовластно распоряжаться делами»⁵⁸. То есть по факту и Феофил, и в еще большей степени Кирилл претендовали на полномочия суверенной власти, устанавливая режим чрезвычайного положения. Здесь, собственно, и начинается конфликт между префектом и патриархом. Орест в качестве префекта был недоволен беспорядками и пролитием крови, связанными с изгнанием из Александрии по инициативе Кирилла новациан и евреев. Поскольку прямых рычагов давления на патриарха Орест уже не имел, он посылал жалобы императору в Константинополь. Далее последовала серия событий, которую мы видим и в фильме Аменабара: Кирилл в порядке примирения поднимает над головой Евангелие и требует от префекта подчиниться. Формально подчиниться

⁵⁶ Как подробно анализирует в своей монографии, посвященной римскому жречеству, А. Сморгачев, в греко-римском мире жречество было весьма ограничено в вопросах собственности, никогда не представляло собой отдельной корпорации или касты, никогда не конкурировало со светской властью и видело свою социальную функцию в консультировании по запросу (*Сморгачев А. М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М. : РГГУ, 2012*).

⁵⁷ Александрийская кафедра несколько раз подряд переходила от дяди к племяннику: преемником Афанасия Александрийского стал его племянник Пётр, которого сменил Феофил; далее последовал Кирилл, преемником которого, в свою очередь, стал его племянник Диоскор.

⁵⁸ К таковым относились параболаны (парабаланы) и нитрийские монахи. Что касается нитрийцев, то это коптские монахи, в рядах которых Феофил сначала устроил основательную чистку, изгнав последователей Оригена и оставив только тех, кто проявил активную форму лояльности. В дальнейшем сначала Феофил, а затем и Кирилл (который по настоянию дяди провел пять лет у нитрийцев, чтобы заслужить в их среде авторитет) в случае необходимости вызывали монахов в Александрию, где те устраивали разного рода экстремистские перформансы в поддержку архиепископов. Парабаланы — христианская община, члены которой в эпоху раннего христианства добровольно ухаживали за больными и хоронили умерших от болезней, прежде всего, от эпидемий, в надежде таким образом принять смерть во имя Христа. В собственном смысле слова монахами они не являлись и исходно были в подчинении префекта. Однако, учитывая религиозную подоплеку их деятельности, Феофил взял их под прямую опеку, в результате чего они превратились в его личные боевые отряды, каковые безо всяких проблем унаследовал Кирилл. После убийства Гипатии императорским указом их количество было сокращено и им было запрещено присутствие в общественных местах, однако вскоре после этого Кирилл восстановил и даже увеличил и их число, и их полномочия.

Слову Божьему, а реально, конечно, авторитету того, кто к этому Слову имеет привилегированный доступ. Естественно, эта акция происходит публично. Если бы префект согласился преклонить колена, это и означало бы фактическое установление теократического режима в одной отдельно взятой Египетской Церкви. Однако Орест отказался принимать такой тип субординации, после чего с подачи Кирилла ворвавшиеся в город нитрийские монахи объявили префекта нехристом и попытались забить его камнями. Инцидент завершился поимкой и казнью особо меткого нитрийца (а не парабалана) Аммония, угодившего Оресту булыжником в голову. Кирилл умудрился провозгласить Аммония блаженным мучеником Томмазием, даже вопреки столь очевидному фату, что последнего, разумеется, никто не принуждал отречься от христианства, а значит, его смерть вряд ли можно было расценить как подвиг веры. Силлогизм, который продвигал в массы Кирилл, предполагал неявную подстановку терминов: власть (в том числе и светская) легитимна, только если она отправляется христианами, но христианами оказываются только те, кто Христа воспринимает исключительно через авторитет самого Кирилла. Поэтому префект Орест, крещеный константинопольским патриархом Атиком (сторонником Иоанна Златоуста и, стало быть, противником александрийских патриархов), является христианином как бы в недостаточной степени, и доказательством этого является тот факт, что он при отправлении своих полномочий прислушивается к советам и наставлениям философствующей язычницы⁵⁹.

Вот дело и дошло до Гипатии, которая оказалась в эпицентре конфликта двух способов легитимации власти: старого философского, требующего эпимелейи и парресии, и нового христианского, ориентирующего на безоговорочный авторитет Церкви. Еще раз уточним: она едва ли публично выступала против Кирилла, хотя наверняка не одобряла его политики и в частных беседах могла высказываться на сей счет критически. Но что более существенно, она в качестве платоника явно поддерживала в своей сфере влияния автаркийную парадигму гражданского поведения, что по определению шло вразрез не то чтобы с христианской моделью управления как таковой (здесь отношения гораздо тоньше, сложнее, неоднозначнее), но с теократическим

⁵⁹ Весьма показателен тот факт, что всего несколькими годами ранее, когда Синезий получал епископскую кафедру в Пентаполе (в 410 году), он писал в своем письме брату (письмо 105), что намерен честно предупредить Феофила, прочившего его на эту должность, о том, что его взгляды на многие богословские вопросы в силу его философского образования отличаются от принятых Церковью. Однако Феофил утвердил Синезия в должности, не возражал против того, чтобы Синезий писал трактаты, которые с легкостью можно было бы счесть еретическими, и, конечно же, был в курсе, что Синезий свои работы отсылал Гипатии с целью консультации. Видимо, все дело в том, что в отличие от Ореста Синезий проявлял по отношению к архиепископу абсолютную лояльность и к тому же, будучи представителем знатного и богатого рода, человеком со связями и влиянием, был политически полезен Феофилу. Вероятнее всего, в том, что при Феофиле, столь рьяно боровшемся со всем, что имело хоть какое-то отношение к язычеству, Гипатия без особых проблем занималась своей философской деятельностью, надо видеть протекцию со стороны Синезия.

проектом Кирилла. Появившаяся в христианстве установка не доверять себе в силу греховной природы и слабости человеческой, а прислушиваться к Слову Божьему превращает паррессию из добродетели в наглость, упорствующую в своей греховности гордыню.

Как пишет Сократ, «так как она очень часто беседовала с Орестом, то её обращение с ним подало повод к клевете в церковном народе, будто бы она не позволяла Оресту войти в дружбу с Кириллом. Посему люди с горячими головами, под начальством некоего *чтеца* Петра, однажды сговорились и подстерегли эту женщину. Когда она возвращалась откуда-то домой, они стащили её с носилок и привлекли к церкви, называемой Кесарион, потом, обнажив её, умертвили черепками, *разорвали на части*, а *куски* тела снесли на место, называемое Кинарон, и там сожгли. Это причинило немало скорби (*позора*) и Кириллу, и александрийской церкви, ибо убийства, распри и все тому подобное совершенно чуждо мыслящим по духу Христову. Упомянутое событие произошло в четвёртый год епископства Кирилла, в десятый консульства Гонория и шестой Феодосия, в месяце марте, во время поста»⁶⁰. Дополнительные объяснения мы видим у Дамаския, который, сам будучи неоплатоником, пострадавшим от гонений на философию, утверждает, что Кирилл спровоцировал убийство Гипатии, опасаясь ее влияния не как политика, а как мыслителя, то есть из опасений того, что философия может составить заметную конкуренцию христианству по крайней мере в элитарных кругах. Впрочем, Дамаския можно понять и в том духе, что он приписывает

⁶⁰ Сократ Схоластик. Церковная история. (Книга VII, глава 15. Об Ипатии философе) // Сократ Схоластик. Церковная история. М. : Росспэн, 1996. В данном переводе, который выполнен Петербургской духовной академией, слова, выделенные в цитате курсивом, опущены по совершенно понятным соображениям. Они указывают, во-первых, на причастность христиан к убийству (церковный народ, т. е. еkklesia, чтец – церковная должность), во-вторых, дают шокирующие подробности надругательства над телом (разорвали на куски) и, в-третьих, недвусмысленно сообщают, что общественное мнение возложило ответственность за произошедшее на Кирилла и александрийскую церковь, поскольку речь идет именно о «позоре», а не о «скорби», как в официальном переводе. Оригинальный греческий текст выглядит следующим образом: «Ἐπεὶ γὰρ συνετύχανε τῷ Ὁρέστῃ, διαβολὴν τοῦτ' ἐκίνησε κατ' αὐτῆς παρὰ τῷ τῆς ἐκκλησίας λαῷ, ὡς ἄρα εἶναι αὐτὴ ἢ μὴ συγχωροῦσα τὸν Ὁρέστην εἰς φίλιαν τῷ ἐπισκόπῳ συμβῆναι. Καὶ δὴ συμφρονήσαντες ἄνδρες τὸ φρόνημα ἐνθερμοὶ, ὧν ἠγεῖτο Πέτρος τις ἀναγνώστης, ἐπιτηροῦσι τὴν ἄνθρωπον ἐπαιούσαν ἐπὶ οἰκίαν ποθέν· καὶ ἐκ τοῦ δίφρου ἐκβαλόντες, ἐκκλησίαν ἣ ἐπάνυμον Καισάριον συνέλκουσιν, ἀποδύσαντές τε τὴν ἐσθῆτα ὀστράκοις ἀνεῖλον· καὶ μεληδὸν διασπάσαντες, ἐπὶ τὸν καλούμενον Κιναρῶνα τὰ μέλη συνάραντες πυρὶ κατηράλωσαν. Τοῦτο οὐ μικρὸν μῶμον Κυρίλλῳ καὶ τῇ Ἀλεξανδρέων ἐκκλησίᾳ εἰργάσατο· ἀλλότριον γὰρ παντελῶς τῶν φρονούντων τὰ Χριστοῦ φόνοι καὶ μάχαι καὶ τα τοῦ τοις παραπλήσια. Καὶ ταῦτα πέπρακται τῷ τετάρτῳ ἔτει τῆς Κυρίλλου ἐπισκοπῆς, ἐν ἡμέρᾳ Ὀνωρίου τοῦ δέκατου, καὶ Θεοδοσίου τοῦ ἕκτου, ἐν μηνὶ Μαρτίῳ, νηστειῶν οὐσῶν».

См.: Σωκράτους του Σχολαστικού. Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία, Ἐν Αθήναις, 1901, URL: <http://anemi.lib.uoc.gr/metadata/0/d/7/metadata-99-0000017.tkl> (дата обращения: 12.09.2014). Первым на этот подлог указал А. Штекли (см.: Штекли А. Гипатия, дочь Теона: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М. : Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1971. URL: <http://krotov.info/history/04/03/shtekli.html> (дата обращения: 12.09.2014)).

Кириллу элементарную зависть властителя дум к удачливому сопернику⁶¹. Возможно, в порядке аранжировки Гипатии попомнили и конусы, и эллипсы, и астролябии, но все же трудно согласиться с С. С. Аверинцевым в том, что основной причиной ее убийства послужило отождествление ее математических штудий с черной магией⁶². Такое объяснение дает Иоанн из Никиу, но он пишет через несколько сотен лет после данных событий и похоже на то, что просто озвучивает более позднюю версию, которая с точки зрения церкви могла бы оправдать столь жестокую расправу: дескать, Гипатия прямо нарушила закон, за что и поплатилась⁶³. Однако слишком уж показателен сам способ убийства,

⁶¹ «Thus it happened one day that Cyril, bishop of the opposition sect [i.e. Christianity] was passing by Hypatia's house, and he saw a great crowd of people and horses in front of her door. Some were arriving, some departing, and others standing around. When he asked why there was a crowd there and what all the fuss was about, he was told by her followers that it was the house of Hypatia the philosopher and she was about to greet them. When Cyril learned this he was so struck with envy that he immediately began plotting her murder and the most heinous form of murder at that. For when Hypatia emerged from her house, in her accustomed manner, a throng of merciless and ferocious men who feared neither divine punishment nor human revenge attacked and cut her down, thus committing an outrageous and disgraceful deed against their fatherland.» А.Н. Armstrong. *Damascius' Life of Isidore*. pp. 49-50. «Случилось однажды, что Кирилл, епископ враждебной секты [т. е. христианства], проходил мимо дома Гипатии и увидел великое скопление людей и коней напротив её двери. Некоторые заходили, некоторые выходили, а прочие стояли вокруг. Когда он спросил, почему там толпа и что за суета вокруг, ему сказали её последователи, что это дом философа Гипатии и что она вскоре выйдет приветствовать их. Когда Кирилл выяснил это, он так был поражён завистью, что немедленно начал составлять план её убийства и самой ужасной формы убийства. Когда Гипатия, по своему обыкновению, вышла из дома, то толпа безжалостных и свирепых людей, которые не боялись ни кары богов, ни мести человеческой, напала на нее и растерзала, тем самым совершая возмутительное и позорное деяние против отечества.»

⁶² См.: *Аверинцев С. Эволюция философской мысли // Культура Византии. IV – первая половина VII века. М. : Наука, 1984. С. 59.*

⁶³ «And in those days there appeared in Alexandria a female philosopher, a pagan named Hypatia, and she was devoted at all times to magic, astrolabes and instruments of music, and she beguiled many people through (her) Satanic wiles. And the governor of the city honoured her exceedingly; for she had beguiled him through her magic. And he ceased attending church as had been his custom. <...> And thereafter a multitude of believers in God arose under the guidance of Peter the magistrate. now this Peter was a perfect believer in all respects in Jesus Christ and they proceeded to seek for the pagan woman who had beguiled the people of the city and the prefect through her enchantments. And when they learnt the place where she was, they proceeded to her and found her seated on a (lofty) chair; and having made her descend they dragged her along till they brought her to the great church, named Caesarion. Now this was in the days of the fast. And they tare off her clothing and dragged her [till they brought her] through the streets of the city till she died. And they carried her to a place named Cinaron, and they burned her body with fire. And all the people surrounded the patriarch Cyril and named him "the new Theophilus"; for he had destroyed the last remains of idolatry in the city.» См: John, Bishop of Nikiu: *Chronicle*. London.1916. URL: http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/nikiu2_chronicle.htm (дата обращения: 15.05.2014) (Chapter LXXXIV). «И в те дни появилась в Александрии женщина-философ, язычница по имени Гипатия, и она была привержена постоянно

который не просто жесток и позорен, но и — если так можно выразиться — эксклюзивен. Понятно, что речь идет о самосуде, а не о казни, но за волхование и идолопоклонство (к каковым на тот момент отнесли бы и занятия математикой) вполне привычным было побивание камнями⁶⁴. В том, что, согласно Сократу, Гипатию растерзали при помощи черепков (), соблазнительно увидеть некий намек на своего рода «радикализованную» процедуру остракизма. Остракизм, как известно, был не столько наказанием для преступников, сколько превентивной мерой, предназначенной для зарвавшихся в своих амбициях «хюбристов», которых выслали за пределы полиса после тайного голосования, во время которого имена слишком влиятельных сограждан нацарапывались голосующими на черепках. В случае с Гипатией это было радикальное изгнание из публичного пространства той, про которую вдруг вспомнили, что она вообще не имела права в нем находиться, не говоря уж о том, чтобы озвучивать неудобную гражданскую позицию, оказывая влияние на должностных лиц.

Разумеется, история Гипатии и не могла закончиться благополучно, дело в каком-то смысле было проиграно с самого начала. Однако ее поражение на протяжении всей традиции неизменно окрашивается в героические тона. Статус мученицы за идею понятен, и все же может возникнуть недоумение: каковы причины героизации, в каком смысле здесь можно говорить об активности героя, если, вообще говоря, своей смертью распорядилась не она сама и по большому счету ее убийство было просто аргументом в политической игре? Здесь напрашивается еще одна параллель с Сократом, который во многом сам спровоцировал свой смертный приговор, поскольку это был хороший способ причинить Афинам повод для неиссякающего философского беспокойства. Надо думать, что если уж Гипатии хватило чутья, ума и таланта удерживать позицию столь долго, она могла по крайней мере вовремя уклониться от

магии, астрологиям и музыкальным инструментам, и она попутала много людей через свои сатанинские козни. И префект города почитал ее чрезвычайно; потому что она околдовала его своей магией. И он перестал ходить в церковь, как прежде было в его обычае. <...> И после этого множество верующих в Бога возмутились под руководством Петра магистрата. И этот Петр был истинно верующим во всех отношениях в Иисуса Христа, и они продолжили искать язычницу, которая соблазнила людей города и префекта своими чарами. А когда они узнали место, где она была, они приступили к ней и нашли ее сидящей на носилках; и стащив ее вниз, они увлекли ее за собой, пока не привели к великой церкви, названной Цезарион. Это было в дни поста. И они сорвали с неё одежду и волокли её по городским улицам, пока она не умерла. И они отнесли её на место, называемое Кинарон, и сожгли её тело. И весь народ окружил патриарха Кирилла и назвал его «новый Феофил» за то, что он уничтожил последние остатки идолопоклонства в городе».

⁶⁴ Побивание камнями в качестве смертной казни согласно Ветхому Завету применялась за такие преступления против закона Божия, как богохульство, волхование, прелюбодеяние, идолопоклонство. В Древней Греции таким образом могли казнить за святотатство, измену и бунт (см. подробнее: *Ломброзо Ч., Ляски Р. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке.* СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003).

мученической участи. Похоже, однако, делать этого она не стала примерно по тем же причинам, по каким и Сократ отклонил предложение о побеге. Безупречная жизнь-по-истине должна подчиняться принципам до конца, только в таком случае философский проект мог считаться состоявшимся. То есть ἔγκράτεια (умение держать себя в руках) перед лицом смерти — настоящий пробный камень античной философской этики и предельное обоснование парресиастической практики. В этом смысле смерть Гипатии действительно была ее философским деянием, вот почему нарочитая чудовищная унижительность способа ее убийства позорит вовсе не ее, а методы Кирилла Александрийского. Более того, выдвинутое против нее обвинение в том, что она вбила клин между префектом и патриархом, напоследок исподволь возвращает философии ее законное место на агоре (спасибо Аменабару за точный выбор названия для фильма!), в публичном пространстве, и утверждает ее функцию в том, чтобы не легитимировать и даже вопреки платоническим надеждам не воспитывать власть, а сопротивляться ее гомеостазу.

Фильм Аменабара также может быть воспринят как своего рода парресиастическое высказывание — слишком прямолинейное и злободневное, чтобы быть исторически корректным, но содержащее вполне честную попытку драматической постановки сложных вопросов и неудобных для публичного озвучивания проблем. Лобовое отождествление религиозного энтузиазма как такового с фанатизмом и экстремизмом, а науки — с гуманистической панацеей от смертоубийственных конфликтов кажется, как минимум, сомнительным. Но вызывает уважение само по себе «кинематографическое исследование» того, при каких обстоятельствах публичное пространство агоры превращается из того топоса, где возможно и востребовано парресиастическое высказывание истины, в зону, где откровенно предьявляет себя истина чрезвычайного положения, заключающаяся в том, что массовые убийства, когда они происходят на площади, перестают считаться преступлением. Таким образом, история Гипатии позволяет не только увидеть, сколь рискованным занятием может быть создание прецедентов, но и поставить вопрос о цене и ценности парресиастической практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Armstrong A.H.. *Damascius' Life of Isidore*// *The Classical Review, New Series*, Vol. 19, No. 1 (Mar., 1969), pp. 49-50.
2. *Damascius. Vitae Isidori reliquiae*, ed. C. Zintzen. Hildesheim, 1971. URL: [http://dushelov.no-ip.org/viewtxt.php?txt=/ftp/greek.txt/D/Da/Damascius Phil. - tlg4066.txt](http://dushelov.no-ip.org/viewtxt.php?txt=/ftp/greek.txt/D/Da/Damascius%20Phil.%20-%20tlg4066.txt) (дата обращения: 12.09.2014).
3. John, Bishop of Nikiu: *Chronicle*. London.1916. URL: http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/nikiu2_chronicle.htm (дата обращения: 15.05.2014).
4. Synesius of Cyrene. *The Letters.*/ translation by A. Fitzgerald. Oxford University Press, 1926. URL: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_letters.html (дата обращения: 10.09.2014)
5. Σωκράτους του Σχολαστικού. *Εκκλησιαστική Ιστορία, Εν Αθήναις*, 1901, URL: <http://anemi.lib.uoc.gr/metadata/0/d/7/metadata-99-0000017.tkl> (дата обращения: 12.09.2014).
6. *Аверинцев С. Эволюция философской мысли / Культура Византии. IV — первая половина VII века.* Москва : Наука, 1984. С. 42–77.

7. *Адо П.* Плотин, или Простота взгляда. — Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991.
8. *Брюле П.* Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. — Москва : Молодая гвардия, палимпсест, 2005.
9. *Вардиман Е.* Женщина в древнем мире. — Москва : Наука, 1990.
10. *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
11. *Гиббон Э.* Упадок и разрушение Римской империи. М.: Центрполиграф, 2005. URL: http://historylib.org/historybooks/Edvard--Gibbon_Upadok-i-razrushenie-Rimskoy-imperii--sokrashchennyu-variant-/20 (дата обращения: 20.09.2014).
12. *Гидулянов П. В.* Восточные патриархи в период четырех первых вселенских соборов: Из истории развития церковно-правительственной власти: Историко-юридическое исследование. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1908. URL: http://starieknigi.info/Knigi/G/Gidulyanov_P_Vostochnye_patriarhi_v_period_chetyreh_pervyh_vselenskih_soborov_1908.pdf (дата обращения: 10.09.2014).
13. *Гидулянов П. В.* Феофил Александрийский // Христианство: Энциклопедический словарь / гл. ред. С. С. Аверинцев. Т. III. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1993-1995. — С. 104–105.
14. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — Москва : Мысль, 1979.
15. Женщина в античном мире : сб. статей. — Москва : Наука, 1995.
16. Житие святого отца нашего Кирилла, архиепископа Александрийского в изложении святителя Димитрия Ростовского. URL: <http://idrp.ru/zhitiya-svyatih-lib569/> (дата обращения: 26.09.2014).
17. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. — Москва : ОГИ, 2003.
18. *Кассен Б.* Эффект софистики. Москва - Санкт-Петербург : Московский философский фонд : Университетская книга : Культурная инициатива, 2000.
19. *Кваша Семен.* Гопники играют в «Цивилизацию». Рецензия на фильм «Агора». URL: <http://www.film.ru/articles/gopniki-igrayut-v-civilizaciyu> (дата обращения: 10.05.13).
20. *Кулишова О. В.* Спартанские цари и Дельфы (VI-V вв. до н. э.) // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5-7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001. URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/kulish.htm> (дата обращения: 10.10.13)
21. *Ломброзо Ч., Ляски Р.* Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003.
22. *Лосев А. Ф.* Итоги тысячелетнего развития. Книга I. Часть первая. Александрийский и восточный раннехристианский неоплатонизм. — Москва : Искусство, 1992.
23. *Михайлин В. Ю.* Древнегреческая игривая культура и европейская порнография новейшего времени / Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции / В. Ю. Михайлин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2005.
24. *Платон.* Пир / Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Платон. — Москва : Мысль, 1993.
25. *Платон.* Федр / Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Платон. — Москва : Мысль, 1993.
26. *Преображенский П. Ф.* Предисловие / Кингсли Ч., Маутнер Ф. Ипатия. — Харьков : ИКП «Паритет» ЛТД, 1994. URL: http://az.lib.ru/k/kingsli_c/text_1853_hupatia.shtml (дата обращения: 12.10.2014).

Цена парресии: история Гипатии Александрийской и фильм А. Аменабара «Агора»

27. Синезий Киренский. Избранные письма. // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2012. Вып. 4 (30). С. 105–121
28. Синесий. Письма // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства / пер. М. Е. Грабарь-Пассек. — Москва : Наука, 1964. — С. 169–174.
29. Сморгачев А. М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. — Москва : РГГУ, 2012.
30. Сократ Схоластик. Церковная история. — Москва : Росспэн, 1996.
31. Фили К. Гипатия: жертва конфликта между старым и новым миром // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 2. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/HYPAT.HTM> (дата обращения: 05.08.2014).
32. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — 677с.
33. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-83 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. — Санкт-Петербург : Наука, 2011 б. — 432 с.
34. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-84 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. — Санкт-Петербург : Наука, 2014. — 357 с.
35. Штекли А. Гипатия, дочь Теона: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». — Москва : Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1971. URL: <http://krotov.info/history/04/03/shtekli.html> (дата обращения: 12.09.2014).